

ким вниманием воспитателей, как в учебное, так и во внеклассное время.

В конце XIX в. в России насчитывалось 57 духовных семинарий, среди которых Тобольская духовная семинария занимала весьма почетное место. Вскоре после революции 1917 г. духовная семинария была закрыта. После 70 лет перерыва Тобольская семинария вновь открылась, став первой и пока единственной в Западной Сибири. Традиции нравственно-го воспитания постепенно возрождаются.

Примечания

1. Каптерев П.Ф. Педагогический процесс. СПб., 1905.
2. Победоносцев К.П. Московский сборник. М., 1896. С. 86.
3. Там же.
4. Олесницкий М. Полный курс педагогики. Киев, 1895.
5. ПСЗ. Т. 27. СПб, 1830.
6. Тобольские епархиальные ведомости, 1881. № 15.
7. Тобольской духовной семинарии 250 лет. Тобольск, 1993. С. 22.
8. Там же.

В.А. Шкерин (ИИиА УрО РАН)

ДЕКАБРИСТ С.Д. НЕЧАЕВ О МОРАЛЬНОМ ОБЛИКЕ УРАЛЬСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА

На рубеже 1826–1827 гг. бывший член Союза благоденствия и будущий обер-прокурор Святейшего Синода Степан Дмитриевич Нечаев (1792–1860) в соответствии с высочайшим повелением был командирован на Урал для «исследования о возникших в Пермской губернии расколах». Дневник, который Нечаев вел во время поездки, и составленная по ее результатам «Записка о сектах, существующих в Пермской губернии» содержат немало ценной информации о нравственном состоянии православного духовенства Урала середины 1820-х гг.

Низкие моральные качества и плохая подготовка духовенства главенствовавшей церкви обратили на себя внимание С.Д. Нечаева, как факторы, способствовавшие распространению старообрядчества и сектантства. Нелестная оценка начала формироваться еще по пути к месту назначения. Во время остановки в Перми 21 октября 1826 г. Нечаев занес в дневник сведения о чрезмерном стяжательстве священников, собранные им в Вятской губернии: «Жаловались мне по дороге и на непомерные поборы попов. За свадьбу берут они часто от 30 до 100 и до 150 руб. Таким образом, многие не женятся до 30 лет, пока накопят довольно денег для заплаты попу. И ежели случится кому овдоветь, то редко кто бывает в состоя-

нии опять вступить в брак, оцененный так дорого в стороне, вообще бедной и произведениями и деньгами. За похороны также от 20 до 30 руб. и более. Кроме того, поступает с каждого венца или тягла руга хлебом, вообще по пуду. Попы по сему краю очень зажиточны. Их большие требования отвращают вотяков от церкви. Многие остаются некрещеными, особенно из женщин»¹.

Не благоднее оказалось и впечатление от знакомства с екатеринбургским клиром. «Соборный протоиерей Феодор более тридцати лет занимает сие место. По беседе его можно судить с достоверностию, что он не способен останавливать размножение расколов, а скорее удобен подать повод к охлаждению относительно православия. К сожалению, те же заключения должно сделать и о здешнем архипастыре. Это совершенно мирские люди, преданные без зазрения совести внешним похотениям, исканию честей, богатства, суетных бесед, употреблению напитков», – записал Нечаев 1 ноября². Действительно, приближавшийся к своему семидесятилетию протоиерей Екатеринбургской соборной церкви Федор Львович Карпинский, продолжал считаться «исправным», но отправлял службы только в великие праздники и торжественные дни, а проповедей вовсе не произносил³. Зато почти ежедневно ходил в гости, играл «в дурака» и столь усердно переворачивал рюмочки, что на следующий день «молебен отправлял с великим трудом». «В компанию постоянных собутыльников протоиерея Екатеринбургского собора Ф.Л. Карпинского в эти годы вместе с чиновниками и офицерами входили “столпы” местного беглопоповского общества», – пишет современный историк⁴. Не гнушался батюшка и подношениями «столпов». «Лев Иванович г. Расторгуев вместо табакерки обещал мне рясу», – отмечал он в своем дневнике, не смущаясь предстоящим получением священнического одеяния из рук закоренелого кержака. В том же источнике немало и иных подобных записей: «Послать дьякона Андрея ко Льву Ивановичу за вином красным, также спросить его о печатке»; «Был у г. Толстикова, тут же были Лев Ив. Расторгуев и т[ом]енский крестьянин Иван Афанасьев Самохвалов. Из него выбивал Лев Ив. для меня 5 р., потом рубль, однако же не мог, на конец на щот его подарил мне сер. руб.»⁵ При этом отец Федор был совсем не беден. Известен случай, когда он дал в долг на год купцу С.И. Казанцеву более тысячи рублей⁶.

6 ноября С.Д. Нечаев записал в дневнике о священнике екатеринбургской Вознесенской церкви отце Якове: «...и в сем священнике нашел я непростительную холодность к столь важному для духовенства предмету (как сбор сведений о старообрядчестве – *В.Ш.*), и оттого незнание даже того, что ежедневно под глазами у них творится»⁷. Окончание фразы –

ничуть не метафора: с одной стороны от Вознесенской церкви располагалась усадьба старообрядческого старшины П.Я. Харитонов, с другой – стоял дом не менее влиятельного старовера Г.Ф. Зотова. От паперти православного храма до ворот харитоновской усадьбы не более ста шагов.

Дальнейшая поездка по Уралу лишь укрепила Нечаева в невыгодном для православных клириков мнении. В Невьянске он услышал историю священника Иоанна, обратившего в официальное православие более полусотни староверов. Пожалованный ему пермским архиереем Иустином набедренник вызвал зависть и наветы менее старательного и удачливого коллеги. Старик Иоанн лишился набедренника, а с ним и желания обращать раскольников⁸. «Бывающие между священниками одного прихода распри и соблазны со своей стороны приостанавливают обращение раскольников, как то случилось недавно в Невьянском заводе, где до 50 человек старообрядцев в одно почти время присоединилось к церкви, пока не возгорелась зависть за один набедренник», – констатировал Нечаев⁹.

Еще более вопиющую картину он застал в Бизярском заводе купца А.А.Кнауфа, где «...под сильным влиянием прикащиков из старообрядцев перешла в сей раскол большая часть жителей оною. Но в сем, как кажется, не мало участвовало невежество и неспособность тамошнего священника, который, занимая более 40 лет сие место, остается теперь при 150 душах прихожан. Впрочем, как видно, от старообрядцев по-прежнему не оставляется подарками, то нисколько не беспокоится об уменьшении своего стада. В оправдание свое говорит он, что отпадения важнейшие случились в то время, когда по смерти его отца, который был также священником, церковь Бизярская лет пять оставалась без пастыря»¹⁰. «Если что не посеяно, от того и плода ждать не можно», – комментировал подобную ситуацию Нечаев¹¹.

Чердынский протоиерей, отец Андрей поведал любопытному путешественнику об умножении староверов в этом отдаленном краю и причиной этого назвал «неспособность, корыстолюбие и леность или беспечность духовенства». Нечаев охотно согласился: «И, действительно, человек с отличными способностями не пойдет в места, столь мало привлекательные со стороны выгод или приятностей жизни. Между тем каждый священник на содержание свое имеет нужду собирать более, нежели забеглый бродяга, не имеющий семейства, не обязанный воспитывать в семинарии сыновей своих и вообще живущий в одиноком грубом состоянии, как и принимающие его крестьяне. Наконец, необыкновенное протяжение приходов в диких, непроходимых пустынях и делях может утомить самого ревностного человека, а недостаток в поощрении и пособии выше весьма удобен сделать из него самого беспечного ленивца»¹².

В «Записке о сектах» рассуждения о примерах подобного поведения православного духовенства, приобретая характер обобщений, составляют весомую долю «причин распространения раскола». «В местах, отдаленных от начальнического наблюдения, случается часто, что священники впадают в грубые пороки, пьянство, сквернословие, вселяющее иногда сильное от православия отвращение в рабочих и поселянах, которые за отдаленностью их жительств или от непрерывных занятий заводских редко видали другие церкви и других священников, кроме своего прихода и по своему пастырю делают общее заключение о прочих. Не менее отклоняет набожных людей от церкви небрежное и поспешное отправление службы Божией, какое в повсеместном почти обыкновении у наших священно- и церковнослужителей. В сем отношении, бесспорно, превосходит их вообще благоговейное, неторопливое и сколько можно приближенное к древним уставам богослужение старообрядцев и пламенное, слезами орошаемое моление израильтян (т. е. скопцов – *В.Ш.*). Но еще более раздражают небогатых поселян непомерные требования некоторых священников, в особенности за венчание браков. Дачи за свадьбы возвышаются иногда до 30, 50 рублей и выше, так что в иных волостях за тем только медлят женить молодых людей, что не скопилось довольно денег на заплату попу. ... В таком случае как не прибегнуть к забеглым священникам, которые (особливо, ежели еще должны скрываться от полиции), конечно, довольствуются меньшим подарком... Равнодушие некоторых священников к расхищению своего стада за подарки от раскольников надлежит также включить в число причин распространения их толков. Не редко более возрастают расколы от справедливых опасений священников, чтоб какими-либо препятствиями, от их звания зависящими, или доносами высшему начальству не обратили на себя ненависть сильных по своему достатку или месту раскольников, чтоб не оскорбить заводских хозяев и помощников, и вообще, чтобы не пострадать от того за неимением поддержки»¹³.

Уничжительная критика, которой Нечаев подверг уральское православное духовенство, предполагала наличие предложений, направленных на исправление ситуации. И такие предложения у Степана Дмитриевича были: «Полезно циркулярными пастырскими посланиями возбудить ревность священников в обращении раскольников и сохранении своего стада мерами сану их приличными, позволяя прибегать к помощи гражданского ведомства в одном только случае необходимости, при нарушении общего порядка, явного неуважения к святыне и т. п., дабы не раздражать без пользы раскольников и тем более не удалять от церкви»¹⁴. Прочие предложения касались возведения новых храмов и более равномерного рас-

пределения священников по территории обширной Пермской губернии, привлечения к проведению церковных служб так называемых «черных попов» – монахов, «возобновления некоторых монастырей», в первую очередь женских, и, наконец, развития института миссионерства¹⁵.

Примечания

1. Нечаев С.Д. Дневник // Братское слово. 1893. Т. 2. С. 574.
2. Там же. С. 576–577.
3. Манькова И.Л. Храм в сердце и памяти. Екатеринбург, 2000. С. 128.
4. Байдин В.И. Эволюция социально-культурного и бытового облика верхушки уральской буржуазии в конце XVIII–XIX вв. // Уральский сборник. Екатеринбург, 1997. С. 20.
5. Байдин В.И., Голикова С.В., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю. Дневник священника // Уральский исторический вестник. № 2. Екатеринбург, 1995. С. 128, 134, 136.
6. Мангилева А.В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века. Екатеринбург, 1998. С. 172.
7. Нечаев С.Д. Указ. соч. 1893. Т. 2. С. 584.
8. Там же. 1893. Т. 2. С. 748.
9. РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 3. Л. 314.
10. Нечаев С.Д. Указ. соч. 1894. Т. 1. С. 148–149.
11. РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 81. Л. 8.
12. Нечаев С.Д. Указ. соч. 1894. Т. 1. С. 150–151.
13. РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 3. Л. 317–318 об.
14. Там же. Л. 329–329 об.
15. Там же. Л. 329–330 об.